матизм был продиктован не только семейными отношениями. Встреча Филарета так захватила интересы придворной знати, что чуть не все участники перессорились из-за нее, сводя местнические счеты, а боярин Василий Морозов за бесчестье князя Пожарского даже попал в тюрьму.[1]

Московский двор был бы единственным исключением из дворов всего мира, если бы такая насыщенная злобою дня придворная атмосфера не произвела песни, украшающей праздники.

Остается последняя, но по порядку расположения первая песня Джемсова сборника — «Бережечик зыблетца», не относящаяся ни к какому определенному событию, но, безусловно, принадлежащая эпохе Смуты.

А емлите, братцы, —

говорят про себя «воинники», —

Яровы весельца,
А садимся, братцы,
В ветляны стружечки,
Да гренемте, братцы,
В яровы весельца,
Ино вниз по Волги.

Документальной иллюстрацией к этому месту из истории Смуты может быть, например, грамота Василия Шуйского 1607 г. к пермичам о сборе семидесяти ратных людей — «которые б были собою добры и молоды и резвы и из луков или пищалей стреляти были горазды... А шли б те ратные люди Камою и Волгою и Окою до Коломны в пермских в легких стругах».[2]

В желании «молодцев» избежать «зимовыя службы», так как в зимнее время

Молотцам кручинно,
Да сердцу надсадно, —

сказывается организация тогдашнего войска, годного почти исключительно к летним действиям, вследствие чего, например, Василий Шуйский, взяв 10 октября 1607 г. Тулу, принужден был распустить по домам дворян и детей боярских с их отрядами. Песенные «молодцы» принадлежат к тем же социальным слоям. Это — люди книжные, по примеру церковных актов[3] вставляющие в песню догматические формулы.

[1] Дворцовые разряды. СПб., 1850 г., т. I, стр. 397.
[2] Акты, собр. Археографической комиссией 1836 г., т. II, стр. 162.
[3] Ср. там же, стр. 13.